

Гу Чуньлай опустил брови, они почти касались уголков глаз:

— Жаль, здесь нет молочного чая с тапиокой, зато есть то, чего нет в Цзинчэне.

— Например, это?

Едва прозвучали слова, как Сяо Жофэй, словно фокусник, достал коробку с жареной лапшой.

Пару дней назад Гу Чуньлай упомянул, что на обед съемочная группа заказала жареную лапшу, и хотя она была вкусной, но не могла сравниться с той, что готовил дядя Лю за восьмым павильоном. Сегодня, перед окончанием съемок, Сяо Жофэй специально подготовил все необходимое, проехал десять минут на велосипеде до восьмого павильона и простоял в очереди больше двадцати минут.

Видеть, как Гу Чуньлай облизывается, было того стоит.

Сяо Жофэй открыл коробку и начал с гордостью перечислять:

— У дяди Лю новая лапша, два яйца, рыбный порошок, куриное бедро, ростки фасоли, маринованная редька, немного острого масла и...

Не дожидаясь, пока он закончит, Гу Чуньлай сглотнул слюну, подошел ближе, взял коробку с лапшой, внимательно осмотрел ее, затем разломил палочки, взял кусочек и, под взглядом Сяо Жофэя, поднес его к его губам.

— Хватит говорить, ешь. Давай, открой рот.

Сяо Жофэй улыбнулся:

— Ты несколько дней говорил об этом, так что сначала ты...

Не успел он договорить, как Гу Чуньлай, воспользовавшись моментом, когда тот открыл рот, аккуратно положил лапшу ему в зубы. Сяо Жофэй не смог уклониться и покорно начал жевать. Кислый, сладкий, острый и мясной вкусы одновременно взорвались у него во рту, согревая от горла до желудка.

Гу Чуньлай, наблюдая за ним, тоже взял кусочек, откусил немного с края, тщательно прожевал, пока во рту ничего не осталось, прижал язык и таким же образом съел второй, третий кусок...

Когда Сяо Жофэй уже все прожевал, напротив оставалась еще большая часть. Внезапно ему в голову пришла шалость: он подошел ближе, взял руку Гу Чуньлая и отправил оставшуюся лапшу себе в рот, не оставив ни крошки.

Он жевал и говорил сквозь пищу:

— Остынет — будет жалко.

— Ну и ну, ты же сам купил, если хотел есть, так и брал бы, зачем скрывать, — сказал Гу Чуньлай и снова взял кусочек, поднес его ко рту Сяо Жофэя.

Тот заглянул в коробку, увидел, что осталось только половина, и, слегка смутившись, почесал затылок:

— Этого мало... Может, купим еще одну порцию?

Гу Чуньлай послушно кивнул.

— Подожди, сейчас возьму велосипед, поедем.

Сяо Жофэй не успел сделать и шага, как Гу Чуньлай схватил его за руку.

— Пойдем пешком, так проведем больше времени вместе, — сказал он, выставив носок и опустив каблук. Звук, похожий на летний фейерверк, раздался на асфальте. — Мне нужно кое-что тебе сказать.

Сяо Жофэй слегка поднял глаза, глядя на те глаза, в которых, казалось, жили звезды, и тихо ответил:

— Хорошо. Кстати, мне тоже есть что сказать.

Когда съемки только начались и в Байшуе еще не было так холодно, Сяо Жофэй и Гу Чуньлай после работы часто катались на велосипедах, искали еду и интересные места, играли с большой кошкой из столовой или ловили цикад и сверчков, чтобы позабавить молодежь из съемочной группы. Позже, когда стало холодно и руки на велосипеде замерзли, как будто их резали ножом, они спокойно обедали в столовой рядом с первым павильоном, наедались до отвала, болтали с поварами несколько минут, выпрашивали несколько лепешек с пастой из красной фасоли размером с половину ладони, жевали их, гуляя по улице, говорили о многом, пока не пересыхали в горле, покупали две чашки несладкого и не соленого соевого молока и продолжали идти, часто гуляя по часу или два, не чувствуя усталости.

Но сегодня, почему-то, оба, обычно такие разговорчивые, молчали, словно по взаимному согласию решили замолчать. Они не наелись, и через несколько шагов животы начали урчать, но никто не хотел идти быстрее, медленно бродя по тротуару: то Сяо Жофэй шел по краю дороги, то Гу Чуньлай нарочно поднимал каблуки, подражая кошке.

С наступлением вечера и приходом холодного воздуха температура быстро упала ниже нуля, и, как говорили, ночью даже мог пойти ледяной дождь.

В это время года, если на улице плеснуть немного воды, она замерзала за несколько минут. Сяо Жофэй в ботинках чувствовал себя нормально, но подошвы туфель Гу Чуньлая были скользкими, как шелк, и он то и дело наступал на невидимый лед, шатаясь, как только что родившийся олененок.

После нескольких таких случаев Сяо Жофэй не выдержал, остановился, поправил капюшон Гу Чуньлая, выровнял парик, взял его под руку, засунул руку в карман и пошел вместе с ним.

Рука Гу Чуньлая была холодной, и он сжимал кулак, так что в кармане образовался небольшой бугор. Сяо Жофэй почувствовал, что теплое место вдруг опустело, не прилегало плотно, пропускало ветер. Он осторожно потер корни пальцев Гу Чуньлая и, видя, что тот не сопротивляется, продолжал идти в ногу с ним, смело двинулся вперед, скользнул от корней пальцев к суставам, затем к кончикам пальцев, мягко обнял их, терпеливо перебирая и сжимая, открывая сомкнутые пальцы, переплетая их с ладонью.

Мир словно замер, их шаги, казалось, синхронизировались с вращением Земли. Сяо Жофэй мысленно отсчитывал секунды: одна, две, на третьей он почувствовал, как несколько холодных пальцев обвилились вокруг его руки, сжимая все сильнее, пока пальцы не онемели и не начали

слегка болеть.

Сяо Жофэй сглотнул, едва сдерживаясь.

Это не было их обычным способом общения во время учебы, совсем не так.

Тогда они могли легко обниматься, целоваться, даже доставлять удовольствие друг другу руками, засыпая от усталости, но они никогда не сжимали руки друг друга с такой силой, словно могли раздавить этого человека, пронзить кожу, слиться с кровью и костями, чтобы остаться в этом моменте навсегда.

Ночь была уже глубокой, ледяной сквозняк проносился мимо, но Сяо Жофэй чувствовал, что жар, который утром только начал спадать, вернулся.

Его правое ухо слегка зудело от ветра, казалось, что что-то щекочет. Каждый раз, когда он поворачивал голову, видел лишь лицо Гу Чуньлая, почти полностью скрытое париком, только уши слегка виднелись, слегка покрасневшие. На нем все еще были сережки Чжоу Сяоча, дешевые пластиковые, легкие, блестящие, как конфеты. Но от долгого ношения его уши покраснели, слегка опухли, и было непонятно, болели они или зудели.

Сяо Жофэй машинально протянул руку, погладил мочку уха Гу Чуньлая и случайно сбил сережку с левого уха.

Тот, кто до этого молчал, наконец отреагировал, словно сурок, вылезший из спячки, и произнес:

— А.

— Ухо покраснело. Болит? — поспешно спросил Сяо Жофэй.

Гу Чуньлай покачал головой, слишком резко, и вторая сережка упала, точно в его ладонь. Он глубоко вздохнул и протянул руку:

— Вернем потом реквизитору?

— Не надо, оставь себе, таких вещей сколько угодно.

Гу Чуньлай, словно поняв, аккуратно положил сережку в карман. Закрыв его, он подпрыгнул пару раз, убедившись, что она не выпадет, затем поднял глаза и встретил взгляд собеседника:

— Ты наконец заговорил.

— А ты? — Сяо Жофэй сжал почти онемевшую руку.

Гу Чуньлай последовал его примеру, сжав еще крепче. Он отвел взгляд, губы плотно сжаты, огляделся, не найдя лазейки для побега, и наконец сказал:

— Вчера...

Он никак не ожидал, что Сяо Жофэй не дожидается его ответа и тоже заговорит:

— Вчерашнее дело...

— Ты первый! — на этот раз они были единомышленны.

Перед ними было огромное неизвестное, как при первой пробе дуриана или вонючего тофу, и никто не знал, чем это закончится.

— Твой разговор с Яньнанем... — снова в унисон.

Гу Чуньлай не мог не пошутить, что такая удивительная синхронность могла проявиться в любой момент, но именно сейчас они говорили с одинаковой частотой, одинаковыми словами, и даже ударения совпадали.

Спустя мгновение Сяо Жофэй первым заговорил, переложив такую тяжесть на другого, что было несправедливо.

— Вчера вечером, на самом деле... я не спал.

С этими словами он отвел Гу Чуньлая к дереву, где почти никого не было.

Гу Чуньлай задержал дыхание, не решаясь выдохнуть.

— Контракт с Яньнанем... получил?

Гу Чуньлай смотрел на него, не подавая виду. Он понимал, что с точки зрения логики это была коммерческая тайна, и он не должен был говорить ни слова; с точки зрения чувств он не хотел предавать никого.

Сяо Жофэй, казалось, сразу понял это и продолжил:

— Я не спрашиваю о содержании контракта. Какие бы условия он ни предлагал, это не мое дело.

Гу Чуньлай серьезно кивнул.

<http://bllate.org/book/15563/1415748>